

Г. Галилей и М.В. Ломоносов: о толковании Священного Писания

25 января 2012 г.

Серебряков Н.С.

Конфликт между богословием и наукой, возникший с развитием естественнонаучного знания, не прекращен до сих пор. Рассуждая на эту тему, кандидат геолого-минералогических наук ФДО ПСТГУ, ИГЕМ РАН Н.С. Серебряков предлагает обратиться к наследию известных естествоиспытателей Г. Галилея и М.В. Ломоносова. Автор предлагает сравнительный анализ принципов толкования Священного Писания, сформулированных великими учеными, который будет интересен многим современным христианам, занимающимся наукой. Данный материал был представлен как доклад на конференции «Целостное мировоззрение ученого-христианина: вызовы современной эпохи и пути их преодоления. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (1711–1765)», проходившей 1–2 декабря 2011 года в МДА.

В заглавии моего доклада указаны имена двух известных ученых: Галилео Галилея и Михаила Васильевича Ломоносова. Какая связь между этими людьми, жившими в разное время и в разных странах? Очевидно, что и Галилей, и Ломоносов занимались физикой и астрономией и стали знаковыми фигурами в истории науки Нового времени: первый был одним из основателей современной науки в целом, а второго называли «первым ученым в России». Вроде бы этим связь и ограничивается. Удивительно, но в Полном собрании сочинений Ломоносова есть всего одно упоминание имени Галилея (и то лишь в перечне с именами других ученых)^[1], несмотря на то, что интересы двух естествоиспытателей часто пересекались. Например, Галилей, как известно, был первым ученым, кто использовал телескоп (им самим сделанный) для наблюдения за небесными телами и благодаря чему сделал одно из своих открытий – впервые описал фазы планеты Венера. Ломоносов же через 150 лет также с помощью телескопа открыл на Венере атмосферу и тогда же разработал свою собственную конструкцию зеркального телескопа. Но в своих работах «О явлении Венеры на Солнце...»^[2] и «Об усовершенствовании зрительных труб»^[3], в исторических экскурсах к ним, где, казалось бы, самое место вспомнить имя Галилея как того, кто одним из первых сделал телескоп и через него впервые наблюдал Венеру, Ломоносов его не упоминает. Даже говоря о гелиоцентрической системе Коперника (для утверждения которой, как известно, Галилей так много сделал), Ломоносов вспоминает в первую очередь не итальянского ученого, а Кеплера и Ньютона в качестве тех, кто внедрил в астрономию представления Коперника; Галилей же у него, видимо, оказался в категории «и другие...»^[4]. Таким образом, при безусловном знакомстве М.В. Ломоносова с научными достижениями Галилея^[5], работы последнего, видимо, не вошли в список тех научных трудов, которые оказали влияние на русского естествоиспытателя^[6].

Итак, в естественно-научном плане Галилей и Ломоносов между собой практически не были связаны. Однако в их творчестве обнаруживается связь на совершенно другом уровне, и именно эта связь как раз и интересна для нашей конференции, рассматривающей целостное мировоззрение ученого-христианина. Ведь Галилей и Ломоносов попытались впервые в истории Нового времени (соответственно, в Западной Европе и в России) сформулировать те принципы, благодаря которым такое целостное мировоззрение может быть достигнуто. И здесь становится понятной вторая часть заглавия моего доклада: о толковании Священного Писания. Ведь если под целостным мировоззрением ученого-христианина понимать гармонию его веры и его разума, его верований и его научных знаний, то достижению этой гармонии способствует правильное понимание Священного Писания, на котором вера ученого основывается. И как раз о таком правильном понимании Писания и рассуждали как Галилей, так и Ломоносов. Причем удивительно, что эти рассуждения оказываются во многом схожими, несмотря на то, что их разделяют время, а также государственные и даже конфессиональные границы. Полагаю, что сравнительный анализ данных принципов толкования Св. Писания, сформулированных великими учеными, может оказаться полезным и для современных христиан, занимающихся наукой. Тем более что многие апологеты этими принципами пользуются и сейчас.

Кратко укажем используемые здесь источники. Свое понимание того, как надо толковать Священное Писание, Галилей изложил не в своих научных трудах, а в двух своих известных письмах. Первое письмо было написано в 1613 г. бенедиктинскому монаху Бенедето Кастелли, ученику Галилея и другу, в то время бывшему профессором математики в Пизанском университете^[7]. Другое письмо, написанное спустя два года, адресовано Великой герцогине Кристине Лотарингской^[8]. Несмотря на частный

характер этой переписки, содержание писем вскоре стало широко известным, т.к. письма передавались заинтересованными лицами из рук в руки. Так, с первым письмом Галилея даже вступил в полемику (опять же в форме письма частному лицу – монаху-кармелиту Паоло Фоскарини) кардинал Роберто Беллармино; в частности, в своем письме он выразил официальную католическую позицию о том, как надо толковать Священное Писание. Второе письмо Галилея, отправленное Кристине Лотарингской, которое, по сути, представляло собой расширенную версию письма Кастелли и стало ответом на письмо кардинала Беллармино, через некоторое время (в 1636 году) было опубликовано в Страсбурге типографским способом (т.е. всего лишь через три года после осуждения Галилея в 1633 году)[\[9\]](#).

В отличие от Галилея, М.В. Ломоносов свои взгляды изложил непосредственно в своих естественнонаучных трудах, и поэтому его позиция на такую не естественнонаучную тему изложена не так подробно, как у его итальянского предшественника, но выражена достаточно определенно. Его рассуждения о толковании Св. Писания находятся, в первую очередь, в Прибавлении к работе «Явление Венеры на Солнце...» [\[10\]](#), а также в работе «О слоях земных», являющейся вторым прибавлением к энциклопедическому труду «Первые основания металлургии». [\[11\]](#) Обе работы были написаны в близкое время: «О слоях земных» в самом конце 50 годов 18 столетия [\[12\]](#), а «Явление Венеры на Солнце...» – в 1761 году [\[13\]](#), и опубликованы на русском языке в 1763 и 1761 годах, соответственно.

Прежде чем сравнивать рассуждения Галилея и Ломоносова, стоит сначала обратить внимание на два связанных между собой момента. Во-первых, оба автора были христианами-мирянами, решившимися рассуждать на богословские темы, а во-вторых, обращение их к этим темам имело явно апологетическую направленность. При этом первое является следствием второго. Мирянин, дерзнувший выступить на поприще богословия, – это явление весьма уникальное в реалиях католической постригентской Европы начала XVII в. [\[14\]](#), да и России середины XVIII в. тоже. У этого мирянина должна быть веская причина для такого шага. И этой причиной стала необходимость защитить свои взгляды, связанные с его научными исследованиями. Причем защитить от самого же богословия.

История защиты Галилея всем известна – его письма к Кастелли и герцогине Кристине Лотарингской были связаны именно с тем, что его стали обвинять в приверженности гелиоцентрической модели Коперника, которая якобы противоречит Св. Писанию и учению Церкви. И Галилею пришлось обороняться, причем не на своей территории – в области физики и астрономии, а на территории «противника» – в области богословия, рассуждая о принципах толкования Св. Писания и через это доказывая, что признание движения Земли вокруг Солнца несколько не противоречит учению Церкви [\[15\]](#). Также известно, что защита Галилея не была успешной, и за этим вскоре (в 1616 году) последовало предупреждение Галилея кардиналом Беллармино о том, чтобы ученый отказался от своих воззрений; а в 1633 году произошел всем известный судебный процесс над Галилеем.

Поводы для апологетического выступления М.В. Ломоносова (в первую очередь, это касается написанного в Прибавлении к работе «Явление Венеры на Солнце...») менее известны. В самой работе он указывает на некоторых «людей грамотных, ...чтецов писания и ревнителей к православию, кое святое дело само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишеством высоких наук приращению» [\[16\]](#), которым и было необходимо объяснять научные наблюдения и выводы во избежание различных смущений о несоответствии этих наблюдений и выводов Св. Писанию. В данном случае Ломоносов имел в виду свои собственные наблюдения и выводы о наличии атмосферы на Венере, но также в его работе рассматриваются и предположение о множестве миров, и, конечно, гелиоцентрическая модель Коперника [\[17\]](#). Под «ревнителями к православию», видимо, нужно понимать цензоров Святейшего Синода, т.к. за несколько лет до этого (в 1756 году) последним была предпринята попытка (оставшаяся, впрочем, без последствий) изъять из употребления изданный в 1740 г. в типографии Императорской Академии наук русский перевод книги Б.Б. Де Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», а также ряд номеров периодического журнала Академии наук «Ежемесячные сочинения» (за 1755 и 1756 год), в некоторых публикациях которых также популяризовалась идея о множестве миров [\[18\]](#). В ответ на эти действия Ломоносовым, скорее всего, и были написаны Прибавления, где он, поясняя, как надо толковать Св. Писание при его сопоставлении с естественнонаучными данными, тем самым пытается оградить себя от возможных обвинений в том, что его выводы противоречат Св. Писанию [\[19\]](#). Эта защита, видимо, нужна была еще и потому, что как раз в это время готовилось второе издание книги Де Фонтенеля (вышедшее в том же 1761 году, что и «Явление Венеры на Солнце...»), которое было, как предполагают некоторые исследователи, предпринято по инициативе именно Ломоносова [\[20\]](#). Благополучный выход этого второго издания, а

также отсутствие хоть каких-либо прещений со стороны Св. Синода по отношению к Ломоносову по поводу его высказываний о толковании Св. Писания показывают, что русский ученый жил во времена, более благоприятные для апологии своих научных взглядов, чем времена Галилея. Тем более, в отличие от тосканского естествоиспытателя, положение Ломоносова в обществе было куда более устойчивым, что давало ему значительную свободу при занятии наукой[21].

Немного отойдя от исторической конкретики, хотелось бы обратить внимание на важный момент, характеризующий, на наш взгляд, эпоху Нового времени. Указанная необходимость защиты науки от богословия, безусловно, является признаком возникновения в Новое время конфликта как в христианском обществе в целом, так и в каждой конкретной личности – конфликта между традиционным авторитетом Священного Писания и новым авторитетом, появившимся именно в то время, – авторитетом научного знания. Ученый, приобретший путем тщательных наблюдений или экспериментов и дальнейшего их осмысления определенное знание о мире, уже не может от этого знания отказаться (т.к. это было бы отказом от самого себя, от своего разума), даже если данное знание входит в некое противоречие со Св. Писанием. От ученого требуется либо не признавать Писание за источник истинного знания, либо как-то примирить (в первую очередь, в самом себе) знание Откровенное и знание научное. Но любые попытки примирения лишь выявляют существование конфликта. И этот конфликт мы уже видим у самых истоков науки Нового времени, как на примере одного из основателей науки – Галилея, так и на примере первого русского ученого – Ломоносова. И конфликт не исчезает до сих пор; но если вначале надо было науку защищать от богословия, то теперь богословие обороняется от науки. Очевидно, что причины этого конфликта не в научных данных, а в самом человеке. С появлением науки человеческий разум, вооруженный новыми и точными методами познания, вознесся на небывалую высоту, и в результате с новой силой в человеке проявилось то разделение его души, которое связано с прародительским грехом. Это внутреннее разделение нашло свое отражение и во внешней деятельности людей – в частности, в виде конфликта науки и богословия.

Как же Галилей и Ломоносов пытались устранить этот конфликт и примирить Слово Божие и слово науки? Как уже говорилось, их позиции близки, так что напрашивается мысль о зависимости одного от другого, несмотря на отсутствие каких-либо свидетельств об этом[22].

В пространном письме Кристине Лотарингской Г. Галилей начинает с утверждения, что «Священное Писание нигде не содержит лжи»[23], и это «независимо от того, понимаем ли мы его истинный смысл». Данное уточнение очень характерно, т.к. здесь сразу указывается на то, что смысл Писания не всегда очевиден. Галилей об этом так и пишет: «...его текст нередко труден для понимания, и во многих местах его содержание существенно отличается от буквального значения слов. Значит, если некто, толкуя Библию, всегда будет придерживаться буквального грамматического значения написанного, он может впасть в заблуждение»[24]. Как будет видно дальше, именно это очевидное для всех христиан утверждение – нельзя все в Библии понимать буквально, многое в ее тексте изложено иносказательно – и является основой рассуждения Галилея о том, как примирить Св. Писание и научные данные. Как пример недопустимости буквального понимания текста Писания Галилей далее приводит библейские антропоморфизмы и антропатизмы.

Через 150 лет то же самое напишет и М.В. Ломоносов, примиря Библию и науку: «Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом»[25]. И так же, как и Галилей, он для подтверждения своей мысли приводит примеры библейских антропоморфизмов и антропатизмов (правда, добавляя еще пример метафоры другого рода – из Втор. 28:23 про «небо медяно»). Параллель очевидна, хотя есть и небольшая разница, видимо, связанная с конфессиональной принадлежностью. В отличие от католика Галилея, который не в данном рассуждении, но во многих других местах письма Кристине Лотарингской ссылается неоднократно на блж. Августина, а также на других западных отцов Церкви[26], православный Ломоносов старается эти свои рассуждения подтверждать толкованиями восточных свв. Отцов, и в первую очередь словами свт. Василия Великого. Однако и итальянский, и русский ученые стремятся поставить в пример своему читателю святоотеческий ход мысли. В частности, ссылаясь на толкование свт. Василия Великого на Шестоднев, Ломоносов пишет: «Пример подает святой Василий Великий, как оно (т.е. Писание – Н.С.) с натурою согласует и в Беседах своих на шестодневник ясно показывает, каким образом в подобных местах библейские слова толковать должно»[27]. И далее приводит подборку тех аллегорий, которые он нашел у свт. Василия. Заключает же свою мысль Ломоносов таким же образом: «Не довольно ли здесь великий и святой сей муж показал, что изъяснение священных книг не токмо позволено, да еще и нужно, где ради

метафорических выражений с натурою кажется быть не сходственно?»^[28] Как видно, Ломоносов, как и Галилей, также уповает на то, что все противоречия между Библией и наукой можно убрать иносказательным толкованием слов Писания.

Но сразу же возникает вопрос: как определить, о чем говорится в Писании в прямом смысле, а о чем только аллегорически? Это важно, чтобы понять, что можно использовать для сопоставления с данными науки, а что нет. Очевидно, что примеры антропоморфизмов и прочих явных метафор, приведенные Галилеем и Ломоносовым, не могут служить в качестве некоего правила. С такими метафорами не возникает проблем (по крайней мере в рамках христианской традиции), их смысл обычно виден из контекста, да и спор возник не вокруг них. Более того, иносказания при описании Бога в Ветхом Завете оправданы, ведь как еще можно было Его описать? Святитель Иоанн Златоуст называл эти антропоморфизмы словами снисхождения Бога к людям^[29]. Другое дело описание чувственных вещей (Солнце, Земля и проч.) – это вполне доступно для человека. Нужно ли предполагать, что Библия о них также говорит где-то небуквально, как и о Боге? Или все же о них повествуется только в прямом смысле? Вроде бы простой (да и сейчас общепринятый) ответ состоит в том, что Св. Писание может говорить и о чувственных предметах не в прямом смысле, т.к. здесь часто используется обыденный язык, т.е. дается описание явлений так, как его видит обыкновенный человек, как это ему кажется, будто он видит, хотя на самом деле это может происходить по-другому (для нашего времени самый яркий пример как раз тот, о котором спорил Галилей: Земля неподвижна, а Солнце движется^[30]). Так говорится в Писании для того, чтобы его понимали все люди, от детей до мудрецов. Конечно, это не дает критериев определения буквальности текста в каждом случае, но зато это является конкретным примером небуквального описания именно чувственной действительности, не имеющего при этом какого-либо поэтического оттенка (в отличие от того же «небо медяно»). Отталкиваясь от этого примера, дальше можно уже определить, как понимать тот или иной фрагмент Библии: буквально или нет. Но это наши рассуждения, а как же отвечают на поставленные вопросы сами Галилей и Ломоносов?

Русский естествоиспытатель лишь ограничивается констатацией того факта, что некоторые фрагменты в Писании надо понимать аллегорически, и не поясняет, какие именно места надо так понимать. Галилей же пытается ответить на поставленный вопрос, но делает это весьма радикально. Он также пишет о таком свойстве Писания, как доступность любому человеку, вплоть до самого простого: «Сказанное Духом Святым было запечатлено в Священном Писании так, чтобы Его слово было доступно восприятию простого народа, грубого и необразованного»^[31]. Но исходя из этого свойства Писания Галилей делает вывод, что практически все, что там написано о природе, мы не должны понимать в прямом смысле, т.к. все эти библейские высказывания приспособлены именно к пониманию необразованного народа («толпы» или «черни», как пишет Галилей в других местах^[32]): «...в случаях, когда Священное Писание говорит о физических явлениях (особенно о загадочных и трудных для понимания), соблюдается правило, позволяющее не внести в умы простецов смущения, которое заставило бы их отвратиться от высших тайн веры. Как я уже сказал и как можно ясно видеть, Писание, единственно с целью приспособления к пониманию простого народа, не воздержалось от утаивания некоторых важнейших истин, и даже самому Господу приписывает качества, совершенно Ему чуждые и весьма далекие от Его сущности. Так кто же тогда осмелится категорически утверждать, что, говоря среди прочего о Земле, воде, Солнце и об иных сотворенных вещах, Священное Писание отвергает такое [аллегорическое] истолкование и ограничивается сугубо буквальным и однозначным толкованием слов? Это представляется особенно неправдоподобным, когда речь заходит о таких особенностях сотворенных вещей, которые очень далеки от понимания простого люда и никоим образом не связаны с главной целью Священного Писания – почитанием Всевышнего и спасением душ»^[33]. Как видно из последнего предложения, Галилей, как верующий христианин, всегда оговаривается, что его рассуждения не относятся к тому, что говорится в Писании о Боге и спасении человека и о прочих догматах веры. Но в остальном (и в первую очередь, что касается описания природных явлений) смысл Писания у Галилея оказывается сведенным до уровня самых необразованных людей. И отсюда следует вывод, что «в рассуждениях о явлениях Природы надлежит начинать не со ссылок на авторитет духовных книг, а с обсуждения данных чувственного опыта и рассмотрения необходимых демонстраций»^[34].

Для еще большего обоснования данного вывода Галилей предпринимает сравнительный анализ свойств Св. Писания и природы. Вначале Галилей старается показать, что изучение природы не менее ценно, чем изучение Писания, т.к. «Священное Писание и Природа равно порождены Богом: первое как продиктованное Духом Святым, вторая – как послушная исполнительница Господних повелений»^[35]. И «Бог открыл нам Себя в явлениях Природы не менее совершенным образом, чем в священных словах

Писания»[36]. Но далее показывается, что на самом деле в глазах ученого и с точки зрения научных знаний статус природы куда выше, чем статус Св. Писания. Это связано с тем, что «Писание, дабы соответствовать пониманию простого люда, вынуждено описывать многие вещи так, что, если следовать буквальному значению слов, то сказанное окажется далеким от абсолютной истины»[37]. В отличие от этого, «природа неколебима и неизменна, она никогда не преступает предписанные ей законы»[38], тогда как «Слова Писания не ограничиваются такими же жесткими условиями, каковые накладываются на все природные явления»[39]. Более того, если ученые получают знания о природных явлениях, «которые непосредственно воспринимаются нашими чувствами или о которых мы умозаключаем при помощи неопровержимых доказательств»[40], то про толкователей Св. Писания Галилей пишет, что «мы не можем с уверенностью утверждать, будто все толкователи Писания вдохновлялись Духом Святым, поскольку в таком случае меж ними не возникло бы расхождений касательно смысла одного и того же фрагмента»[41].

Однако такой низкий статус Св. Писания в отношении познания природы не должен, по мнению Галилея, нас смущать, т.к. Писание дано людям совершенно для другого. Галилей пишет, что «авторитет Писания был определен, главным образом, к тому, чтобы убедить людей в правильности тех постулатов и положений, которые превосходят человеческое понимание и не могут быть открыты наукой или любым другим способом, кроме как речениями Духа Святого»[42]. В качестве определения главного смысла Св. Писания Галилей приводит известные слова кардинала Ч. Баронио: «Дух Святой научает не тому, как перемещаются небеса, а тому, как нам туда переместиться»[43]. В деле же познания природы (т.е. о том, как перемещаются небеса) надо дать слово науке с ее наблюдениями и доказательствами[44]. Таким образом, Галилей четко разделяет сферы деятельности богословия и науки. По крайней мере богословие не должно вмешиваться в дела науки: «...было бы весьма благоразумно не позволять никому использовать каким-либо образом священный текст для доказательства истинности любых натурфилософских утверждений, ложность коих всегда может быть продемонстрирована с помощью чувств и доказательных и необходимых доводов»[45]. Однако те слова Писания, которые говорят о природе, по мнению Галилея, нужно толковать именно с помощью науки: «Достигнув определенных результатов в натурфилософии, нам следует применять их как наиболее подходящие средства для правильного истолкования Писания и для разыскания истин, которые с необходимостью содержатся в его тексте, поскольку текст этот несет в себе высшую истину и согласуется с доказанными истинами»[46]. Т.е. истинный смысл слов Писания о природе обнаруживается лишь в свете научных достижений, и тогда не возникает никаких противоречий между Библией и наукой[47].

Сразу надо сказать, что при чтении этих высказываний Галилея, даже при всех его «реверансах» в сторону Св. Писания, возникает впечатление, что, с точки зрения итальянского ученого, Писание нужно лишь только народу, «черни», простецам. Тогда как для тех, кто, по словам самого Галилея, «заслуживает быть выделенным из толпы»[48], Писание может быть практически полностью заменено изучением природы, и это так, видимо, даже в деле познания Бога, поскольку (повторим слова ученого): «Бог открыл нам Себя в явлениях Природы не менее совершенным образом, чем в священных словах Писания»[49].

Обращаясь вновь к русскому естествоиспытателю, стоит сказать, что сопоставление Св. Писания и природы, как двух источников откровения о Боге, является еще одной параллелью в рассуждениях Галилея и Ломоносова. Последний для такого сопоставления использует, видимо, уже устоявшийся в христианской традиции образ «двух книг»[50]. Он пишет: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — Священное Писание. В ней показано Создателево благоволение к нашему спасению»[51]. Из этого сопоставления у Ломоносова следует два вывода, которые делал также и Галилей. С одной стороны, это означает, что христианская вера «Божиему творению не может быть противна, ниже ей Божие творение, разве тем чинится противность, кои в творения Божия не вникают»[52]. Но, с другой стороны, для того чтобы никто никакой «противности» между Писанием и наукой не чинил, требуется, чтобы каждый занимался своим делом: богослов — Писанием и церковным учением, а ученый — наукой. Так, развивая мысль о двух книгах, Ломоносов пишет: «В сих пророческих и апостольских богодохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учителя. А в оной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители Божественных, в натуру влияющих действий суть таковы, каковы в оной книге пророки, апостолы и церковные учителя. Нездраворассудителен математик, ежели

он хочет Божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтире научиться можно астрономии или химии»^[53]. Таким образом, Ломоносов также четко разграничивает области богословия и науки, указывая конкретные сферы деятельности для богословов и для ученых: первые говорят о путях спасения человека, вторые – описывают творение Божие, хотя и те и те, каждый в своей области, показывают Божие благодеяния к людям: «Толкователи и проповедники Священного Писания показывают путь к добродетели, представляют награждение праведным, наказание законопреступным и благополучие жития, с волею Божиею согласного. Астрономы открывают храм Божеской силы и великолепия, изыскивают способы и ко временному нашему блаженству, соединенному с благоговением и благодарением ко Всевышнему. Обои обще удостоверяют нас не токмо о бытии Божиим, но и о несказанных к нам Его благодеяниях. Грех всевать между ими плевелы и раздоры!»^[54] И так же, как у Галилея, у Ломоносова есть мысль о невмешательстве неспособных или нежелающих заниматься наукой (видимо, в том числе и богословов) в научные исследования: «Кто в таковые размышления углубляться не хочет или не может и не в состоянии вникнуть в премудрые естественные дела божии, тот довольствуйся чтением Священного Писания и других книг душеполезных, управляй житие свое по их учению. За то получит от Бога благословение, от монаршей власти милость, от общества любление. Прочих оставляй он также в покое услаждаться притом и премудрым Божеским строением вещей натуральных для такой же пользы, какую он получает и получить уповает»^[55]. Если здесь и нет, как у Галилея, той мысли, что Писание нужно преимущественно простецам, то по крайней мере идея о равноценности Божественного Откровения через Писание и через природу у Ломоносова все же присутствует. И эта идея позволяет ученому изучать не Слово Божие, а равноценный этому Слову окружающий мир. Здесь видно, что и на Ломоносова повлиял дух эпохи Просвещения, с его возвеличиванием человеческого разума и науки и умалением значения Св. Писания.

Подытожим основные принципы толкования Св. Писания и его сопоставления с научными данными, которые предложили Г. Галилей^[56] и М.В. Ломоносов:

1) Св. Писание и природа не могут противоречить друг другу, т.к. являются творениями одного Творца, через которые Он открывается человеку.

2) Если все же некие противоречия между Писанием и научными наблюдениями имеются, то требуется аллегорическое толкование тех мест Св. Писания, которые противоречат научным данным.

Отсюда Галилей делает дальнейший вывод:

3) Критерием верного толкования тех мест Св. Писания, где речь идет о природных объектах, являются истины, которые получены научными методами.

Ломоносов этого прямо не говорит, но это следует из его требования толковать Писание аллегорически при противоречии с научными данными.

4) Нельзя Св. Писание использовать в научной аргументации, а богословам с их богословскими идеями и методами вмешиваться в научные дискуссии, т.к. области богословия и науки различны, причем богословие открывает людям только истины, касающиеся веры, и в первую очередь – Бога и спасения человека, а совсем не природных явлений. Истины о природе могут быть добыты только естественнонаучными методами.

Напомним, что Галилей, а потом и Ломоносов сформулировали эти принципы толкования Писания преимущественно в связи со спорами вокруг гелиоцентрической модели Коперника и других астрономических идей. Однако понятно, что данные принципы можно применять при обсуждении данных из любой естественнонаучной отрасли. И здесь стоит вспомнить, что Ломоносов, в отличие от Галилея, был не только физиком и астрономом, но и геологом. И по его работам можно проследить, какое применение находят сформулированные им принципы при обсуждении геологических наблюдений. Это особенно интересно тем, что если проблема геоцентричности или гелиоцентричности, в отличие от времен Галилея и даже Ломоносова, сейчас совершенно неактуальна, то вопросы, связанные с геологией, на данный момент стоят очень остро. Особенно это касается длительности существования Земли. Именно этот вопрос обсуждает М.В. Ломоносов в своей работе «О слоях земных».

Так, рассмотрев различные геологические аргументы в пользу того, что существование мира имеет

большую длительность, он сразу же старается показать, что это нисколько не входит в противоречие с учением Церкви: «Кажется кому противна долгота времени и множество веков, требуемых на обращение дел и произведение вещей в натуре больше, нежели как принятое у нас церковное исчисление, тот возьми в рассуждение...»[57]. И далее Ломоносов приводит различные аргументы в пользу того, что библейское летоисчисление можно не воспринимать слишком серьезно, так как: 1) это летоисчисление не является догматом веры; 2) года, указанные в Ветхом Завете, неудобовразумительны даже для знатоков еврейского языка, и поэтому «все христианские народы начинают исчисление лет от Рождества Христова, оставив древнее, как не довольно определенное и сомнительное»[58]; 3) среди христианских толкователей нет согласия в том, сколько лет прошло от сложения мира до Рождества Христова; 4) кроме того, о большой длительности мира говорят и летописи древних народов (египтян, персов и т.д.). Если же кто не удовлетворяется этими аргументами, тем Ломоносов предлагает поместить все эти большие интервалы времени образования вещей в самое начало первого дня, «когда земля была невидима и неустроена, то есть прежде шестидневного произведения тварей»[59]. Интересно, что, с точки зрения Ломоносова, получается, что раз в первый день еще не созданы светила небесные, то тогда время еще не было определено, а поэтому не может быть и споров о времени[60]. Наконец, он излагает и свою личную точку зрения, основанную на другом известном библейском тексте (ср. Пс. 89:5): «Мне кажется, довольно быть и шестодневия, когда вспомню, что тысяща лет, яко день един пред Богом»[61]. Т.е. здесь под днем творения Ломоносов понимает не сутки в прямом смысле, а некоторый длительный промежуток времени, что стало впоследствии стандартным объяснением дней творения у многих апологетов (а этот стих из Пс. 89, как и его перифраз в 2 Петр. 3:8, стал стандартным обоснованием этого мнения). Как видно в данном примере примирения науки и библейского текста, Ломоносов следует своим (и Галилея) принципам толкования Св. Писания: во-первых, пытается согласовать Писание и данные науки, т.к. считает и то и другое истинным; а во-вторых, для этого согласования пытается приспособить Писание к научным данным путем отказа от прямого смысла Писания. Интересно, что, делая такое согласование, Ломоносов не говорит о том, что рассуждение о длительности существования мира является прерогативой только науки. Поэтому здесь не используется в явном виде принцип разделения областей науки и богословия.

В завершение доклада хотелось бы оценить рассмотренные принципы толкования Св. Писания с точки зрения церковной традиции и в контексте сегодняшних проблем соотношения данных науки со Св. Писанием. Тем более что эти принципы, как уже говорилось, широко применяются и современными апологетами.

1. Безусловно, образ «двух книг» – Писания и творения – мы должны принимать, т.к. этот образ глубоко укоренен в христианской традиции, особенно если вспомнить учение о божественных логосах, пронизывающих всю тварь, и соединяющихся в Едином Логосе – Слове Божиим.

2. Однако же мнение Галилея (и, видимо, Ломоносова тоже) о равноценности этих книг (или даже о преимуществе книги Природы) в Богопознании (так что ученому достаточно только изучать природу и можно не изучать книгу Писания) вызывает большое сомнение. Очевидно, что такое мнение связано с началом отхода от христианской иерархии ценностей в Западной Европе в то время.

3. Также вызывает сомнение предлагаемая учеными необходимость применения аллегорического толкования во всех случаях несовпадения Библии с научными представлениями. Очевидно, что сами эти представления, будучи относительными, могут меняться. Кроме того, и это главное, критерием толкования Писания не может быть что-то внешнее по отношению к самому Писанию, как, например, естественнонаучные выкладки. Верное толкование должно быть связано с Преданием Церкви, т.е. с жизнью в Церкви Духа Святого, действующего как в библейских писателях, так и в толкователях Библии.

4. При всей верности принципа разделения области богословия и науки, разделения их языков и методов и т.д., все же не стоит это разделение абсолютизировать и забывать о тех точках, где эти области соприкасаются и где, собственно, и возникает конфликт между наукой и богословием. Тем более что наука имеет свойство свою область все более и более расширять, тем самым, с точки зрения ученых, сужая область веры, область богословия. Например, во времена Галилея, и даже Ломоносова, человек, его сущность, его происхождение оставались еще в области богословия. С XIX в., очевидно, это также стало областью естественных наук, вызвав новый до сих пор не разрешенный и лишь усугубляющийся конфликт между богословием и наукой. И если для решения этого конфликта единственным выходом

является переинтерпретация Писания (все в более и более аллегорическом плане), как того требуют Галилей и Ломоносов, то в таком случае придется отказаться от многих важнейших, даже центральных христианских вероучительных положений. И это не прогноз, а реальность: многие христиане Запада уже отказались от некоторых из них. Для примера приведу лишь одну цитату известного западного богослова Артура Пикока, англиканского священнослужителя и ученого, председателя Общества священников-ученых: «Эволюция может действовать только через смерть отдельных особей <...>. Мы, как индивидуумы и как представители рода *homo sapiens*, не появились бы, если бы наши предшественники по эволюционному процессу не умерли. Биологическая смерть существовала на Земле задолго до возникновения людей, и она была необходимым условием нашего появления на свет в процессе эволюции, посредством которой Бог, как мы уже говорили, творит новые виды, включая *homo sapiens*. Поэтому, когда Павел говорит, что «возмездие греха – смерть», это не может теперь значить для нас биологическую смерть, это должно означать «смерть» в каком-то другом смысле. Биологическая смерть больше не может пониматься как следствие чего-то того, что люди могли совершить в прошлом. Как показывает эволюция, смерть – это не что иное, как средство, благодаря которому они возникли, то есть, для теиста, были созданы Богом. Традиционная интерпретация 3 главы книги Бытия, согласно которой грехопадение – некий поступок наших прародителей, объясняющий существование биологической смерти, – произошло на самом деле, должна быть отвергнута. Соответственно, должна быть переработана и классическая богословская интерпретация «спасительной» работы Христа, предполагающая причинную связь между биологической смертью и грехом. <...> Все научные свидетельства говорят о том, что человек медленно развивался до состояния разумности, и, соответственно, постепенно развивалось его сознание, чувствительность, способность к моральной ответственности и, как добавит религия, его способность осознания Бога. <...> Таким образом, мы не можем говорить о «падении» из состояния первоначального совершенства ни в каком смысле. У человечества не было никакого золотого века, не было совершенного прошлого. Также не было конкретных людей по имени Адам и Ева, совершенных в своих взаимоотношениях и поведении, от которых произошли все остальные люди, и по сравнению с которыми все остальное человечество можно назвать падшим»[62]. По-моему, комментарии здесь излишни.

Таким образом, принципы толкования Св. Писания, предложенные Галилеем и Ломоносовым, все же не относятся к тому случаю, когда все получилось с первого раза. Уж очень чувствовалось в них влияние эпох Возрождения и Просвещения, имевших явно антихристианский дух. Однако значение попытки этих ученых подойти к целостному мировоззрению все же велико, т.к. они были и в этом первыми, и именно с них начался тот долгий путь выработки целостного мировоззрения христианина-ученого, который, Бог даст, когда-то достигнет своей цели.

[1] В Предисловии к: *Ломоносов М.В.* Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на русский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии Наук член и химии профессор // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950-1983. — Т. 1: Труды по физике и химии, 1738-1746. — М.; Л.: АН СССР, 1950. — С. 424. Полное собрание сочинений выложено в интернете: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/>. Еще один раз Галилей упоминается не в собственном тексте М.В. Ломоносова, а в его переводе с немецкого работы Г.В. Крафта «О твердости разных тел» (*Крафт Г.В.* Продолжение о твердости разных тел / Пер. М. В. Ломоносова // Там же. — Т. 11, дополнительный, справочный: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1983. — С. 38).

[2] *Ломоносов М.В.* Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии Наук мая 26 дня 1761 года // Там же. — Т. 4: Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744-1765 гг. — М.; Л.: АН СССР, 1955. — С. 371-372.

[3] *Ломоносов М.В.* [Об усовершенствовании зрительных труб] / Пер. Я.М. Боровского // Там же. — С. 471-472.

[4] *Ломоносов М.В.* Явление Венеры на Солнце..., с. 372.

[5] Имя Галилея было известно в России по крайней мере уже в первой половине XVIII в. благодаря переводам на русский язык различных западноевропейских трудов по физике и астрономии (*Жигалова*

Л.В. Первые упоминания о Галилее в русской научной литературе // *Галилео Галилей. Избранные труды в двух томах* / Академия Наук СССР; сост. У.И. Франкфурт. – Т. 2: Механика. О телах, пребывающих в воде. Беседы и математические доказательства. – М.: Наука, 1964. – С. 512-513). Но скорее всего, Ломоносов мог познакомиться с трудами Галилея во время своей учебы в Германии, в Марбургском университете.

[6] Показательно, что в перечне сохранившихся книг из личной библиотеки Ломоносова также нет трудов Галилея (см. Библиотека М.В. Ломоносова: научное описание рукописей. – М.: Ломоносов, 2011. – 280 с.).

[7] *Galilei G. Lettera a D. Benedetto Castelli (21 dicembre 1613)* // *Le opere di Galileo Galilei: edizione nazionale sotto gli auspicii di sua maestà il re d'Italia* / pubblicata da Antonio Favaro, Isidoro del Lungo, V. Cerruti, G. Govi, G. V. Schiaparelli, Umberto Marchesini – Firenze: G. Barbero, 1929-1939. – Vol. V: Firenze: G. Barbero, 1932. P. 281-288. Перевод письма взят из: *Дмитриев. И.С.* Увещание Галилея / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (СПб. филиал) – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 135-142.

[8] *Galilei G. Lettera a Madama Cristina di Lorena Granduchessa di Toscana (1615)* // *Le Opere. Vol. V. P. 309-348* (в интернете текст письма Г. Галилея герцогине Кристине Лотарингской опубликован здесь: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k949039/f311.image.r=Le+opere+di+Galileo+Galilei.langEN>). До сих пор не сделан полный перевод этого письма на русский язык. Перевод фрагментов письма взят из: *Дмитриев. И.С.* Увещание Галилея, с. 300-305 (частичный перевод фрагмента: *Le Opere. Vol. V. P. 315-330*) и *Фантоли А.* Галилей: В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви / Пер. с итал. А. Брагина. – М.: МИК, 1999. – С. 143-155 (дан перевод пространных цитат из различных мест письма). Некоторые места уточнялись по английскому переводу: *Discoveries and Opinions of Galileo* / ed. Stillman Drake. – New York: Anchor-Doubleday, 1957. – P. 173-216. (См.: http://www.disf.org/en/documentation/03-Galileo_Cristina.asp).

[9] *Nov-antiqua sanctissimorum patrum, et probatorum theologorum doctrina, de sacrae scripturae testimoniis in conclusionibus mere naturalibus, quae sensata experientia, et necessariis demonstrationibus evinci possunt, temere non usurpandis: in gratiam sereniss. Christinae Lotharingae, mag. ducis Hetruriae, privatim ante complures annos italico idiomate conscripta a Galilaeo Galilaeo nobili florentino, primario serenitatis eius philosopho et mathematico. Nunc vero juris publici facta, cum latina versione italico textui simul adjuncta. Augustae Trebec, impensis Elzeviriorum, typis Davidis Hautti, MDCXXXVI.* В 1661 году это письмо было уже переведено на английский язык и издано в Лондоне (см. *Bibliografia Galileana* (Издания Галилея на иностранных языках. 1606-1963) // *Галилео Галилей. Избранные труды в двух томах* / Академия Наук СССР; сост. У.И. Франкфурт. – Т. 2: Механика. О телах, пребывающих в воде. Беседы и математические доказательства. – М.: Наука, 1964. – С. 529).

[10] *Ломоносов М.В.* Явление Венеры на Солнце..., с. 370-376.

[11] *Ломоносов М.В.* Первые основания металлургии или рудных дел. Прибавление второе: О слоях земных. IV, § 164-167 // *Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений* / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. – Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу, 1741—1763. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 616-619.

[12] Примечания // Там же, с. 689-690.

[13] Примечания // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений* / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. – Т. 2: Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744—1765 гг. — М.; Л.: АН СССР, 1955. — С. 767.

[14] Так, например, согласно декрету 786, принятому 8 апреля 1546 г. на четвертой сессии Тридентского собора, никому из католиков не разрешалось самостоятельно толковать Библию: «Имея целью поставить в будущем под контроль мятежные души и достигнуть единства в вопросах нравственности и веры, а также христианского учения, Собор постановляет, что никто не имеет права иметь собственные суждения и исказить смысл Священного Писания согласно собственным убеждениям, а также толковать его в смысле, противоречащем тому, что установила Святая Матерь-Церковь. Только ей одной принадлежит право определять истинный смысл и значение Писания; а оно

было установлено единодушным согласием Отцов Церкви» (цит. по: *Фантоли А.* Галилей: В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви / Пер. с итал. А. Брагина. – М.: МИК, 1999. – С. 177-178). Более того, еще с XIII в., в связи с борьбой против различных ересей (катары, альбигойцы и проч.), на некоторых поместных соборах Католической Церкви были даже приняты постановления о запрете чтения Библии мирянами.

[15] Рассуждения Галилея в пространном письме к Кристине Лотарингской многократно анализировались, в том числе и в указанных работах А. Фантоли и И.С. Дмитриева. А. Фантоли указывает работы и других исследователей (Прим. 30, с.182)

[16] *Ломоносов М.В.* Явление Венеры на Солнце..., с. 370. В «Слоях земных» Ломоносов также пишет о таких людях, «кои осмежают науки, а особливо новые откровения в натуре, разглашая, будто бы они были противны закону, коим самим мнимым защищением действительно его поносят, представляя оный неприятелем натуре, не меньше от Бога происшедшей, и называя все то соблазном, чего не понимают» и далее (§166-167, с. 618-619).

[17] Там же, с. 371, 374.

[18] В синодальном обращении (декабрь 1756 г.) к императрице Елизавете Петровне говорится: «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами несогласном, под жесточайшем за преступление наказанием, не отваживался, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную... князем Кантемиром... указать везде отобрать и прислать в Синод» (цит. по: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800: в 5 т. (6 кн.) – М., 1963-1967, 1975. – Т. III: Р-Я. – М.: Книга, 1966. – С. 313. См. также, *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – № 7. – С. 111-112). Кроме книги Фонтенеля в обращении имеются в виду опубликованные в «Ежемесячных сочинениях» переводы работ иностранных авторов (в том числе философской повести Вольтера «Микромегас»), а также «Ода духовная» А.П. Сумарокова (переложение Пс. 106). Тогда же цензурной правке со стороны Св. Синода подвергся издаваемый в типографии Московского университета перевод поэмы А. Поупа «Опыт о человеке», сделанный по совету, а возможно, и под руководством Ломоносова его учеником – Н.Н. Поповским (см., например: *Кочеткова Н.Д.* К истории перевода Н.Н. Поповского поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (Ранняя редакция) // XVIII век. Сборник 23 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. – СПб: Наука, 2004. – С. 308-309. См. также, *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – № 7. – С. 124-126). Причиной такой правки опять же стала популяризация в этой поэме идей множества миров и гелиоцентризма.

[19] Интересно, что, как и в случае Галилея, эта угроза могла исходить не непосредственно от церковной власти, а от светских противников Ломоносова, которые могли воспользоваться данным обвинением для компрометации ученого. То, что такое могло произойти, подтверждается случаем ссоры между коллегами по Академии наук и противниками Ломоносова – А.П. Сумароковым и В.К. Тредиаковским. Последний в октябре 1755 г. написал доношение в Св. Синод, где обвинял Сумарокова в том, что тот в своей оде на псалом 106, напечатанной в «Ежемесячных сообщениях», «лжет явно на псаломника, вдохновенного Духом Святым», из-за чего некоторые читатели «могут и в соблазн придти, мя, что псаломник, вдохновенный Духом Святым, говорит сим о множестве миров и о бесконечности вселенных» (цит. по: *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России, с. 114. См. также: *Пекарский П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755-1764 годов / Приложение к XII-му тому Записок Императорской Академии наук. № 5. – СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1867. – С. 42-43). И если вначале Синод оставил это доношение Тредиаковского без последствий, то через год вышло упоминаемое выше синодальное обращение к императрице Елизавете Петровне о запрете и изъятии книги Фонтенеля и номеров «Ежемесячных сообщений» с одой Сумарокова и с другими произведениями, содержащими идею о множестве миров.

[20] Сводный каталог русской книги..., с. 314.

[21] Здесь показателен скандал, произошедший в то же время и связанный с «Гимном бороде», написание которого приписывается Ломоносову. В марте 1757 г. императрице Елизавете Петровне от Св. Синода был послан всеподданнейший доклад, в котором была серьезная жалоба на Ломоносова в связи с этим «Гимном», а также с последующим стихотворением «О страх! о ужас! гром» (в которых автор, по мнению докладчиков, хулил духовный чин, таинство Крещения и учения и предания св. отцов), и

просьба эти «пашквили» публично сжечь и запретить, а Ломоносова прислать в Синод для увещания и исправления. Как известно, этот доклад не имел никаких последствий; более того, Ломоносов через несколько дней получил повышение по службе (*Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. – Т.2. – СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1873. – С. 205, 602-606*). Интересно, что в «Гимне бороде» также говорится о множестве миров.

[22] Можно, например, предположить, что Ломоносов познакомился с рассуждениями Галилея на эту тему опосредованно, через своего учителя – Христиана Вольфа. У последнего были работы по естественному богословию («*Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und des Menschen, auch allen Dingen überhaupt*», 1719; «*Theologia naturalis*», 1736-1737 и др.), и в них он мог использовать мысли Галилея о соотношении веры и науки. Но это тема для отдельного исследования.

[23] *Le Opere. Vol. V. P. 315*. Цит. по: *Дмитриев. И.С.* Увещание Галилея, с. 300. В Письме к Каstellи Галилей пишет так: «Священное Писание никогда не может вводить в заблуждение или заблуждаться и что его предписания обладают абсолютной и ненарушимой истинностью» (цит. по: *Дмитриев. И.С.* Увещание Галилея, с. 136)

[24] Там же.

[25] *Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце...*, с. 372. И то же пишет в «О слоях земных»: «...особливо же тем сопротивно покажется, которые обыкли священное писание принимать в literalном грамматическом разуме и не последуют в том Василию Великому, который богомудрый святитель и глубокий философ довольные показал примеры, как содружать спорные, повидимому, со священным писанием натуральные правды» (§ 164, С. 616)

[26] Из древних западных отцов Церкви, кроме блж. Августина, в письме цитируются Тертуллиан и блж. Иероним. Однако интересно, что Галилеем также несколько раз приводятся цитаты из «Ареопагитиков».

[27] *Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце...*, с. 372.

[28] Там же, с. 373.

[29] «Когда ты слышишь слова: ярость и гнев, в отношении к Богу, то же разумей под ними ничего человеческого: это – слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного; говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых. Так и мы, когда беседуем с варварами, употребляем их язык; или когда говорим с младенцем, то лепечем подобно ему, хотя бы сами были мудрецами, снисходя к его малолетству. И что удивительного, если мы поступаем так в словах, когда поступаем так же и в делах, кусая руки и показывая вид гнева, чтобы исправить ребенка? Точно так и Бог употреблял подобные выражения, чтобы подействовать на людей более грубых. Он, когда говорил, заботился не о своем достоинстве, но о пользе слушающих» (*Иоанн Златоуст, свт. Толкование на Псалмы. 6:2 // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста: В 12 т. – Репр. – М.: Православная книга, 1993. – Т. 5. Ч.1*)

[30] Данное объяснение библейского словоупотребления упоминает кардинал Беллармино в своем письме Фоскарини (см. текст письма в: *Дмитриев. И.С.* Увещание Галилея, с. 201). Он приводит используемое Н. Коперником сравнение движения Земли вокруг Солнца с движением корабля от берега в тихую погоду: человеку, отплывающему на этом корабле, кажется, что берег от него удаляется, а не он от берега. Однако кардинал уточняет, что в этой ситуации человеку известно о его ошибке, тогда как в случае с Солнцем и Землей нет никакой уверенности, что нужно исправлять какую-то ошибку. И действительно, во времена Галилея еще не было прямых доказательств вращения Земли (которые появились только через двести лет, в XIX веке). И поэтому не было никакой необходимости отказываться от буквального понимания библейского текста.

[31] Письмо Кристине Лотарингской – *Le Opere. Vol. V. P. 315* (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 300).

[32] Там же, и в Письме к Каstellи (см: *Дмитриев. И.С.*, с. 136).

[33] *Le Opere. Vol. V. P. 316* (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 300-301).

[34] Там же (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 301). Более определенно это написано в письме Каstellи: «Таким образом, если Писание, как мы выяснили, во многих местах не только допускает, но и с необходимостью требует истолкования, отличного от кажущегося смысла его слов, то мне представляется, что в научных спорах оно должно привлекаться в последнюю очередь» (Цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 136-137).

[35] Письмо Кристине Лотарингской – *Le Opere. Vol. V. P. 316* (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 301).

[36] Там же, р. 317 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 301).

[37] Там же, р. 316 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 301).

[38] Там же.

[39] Там же, р. 317 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 301).

[40] Письмо Каstellи (Цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 137).

[41] Письмо Кристине Лотарингской – *Le Opere. Vol. V. P. 320* (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 303).

[42] Там же, р. 317 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 302). Далее Галилей пишет: «...даже в постулатах, которые не касаются предметов веры, авторитет Писания должно ставить выше любых человеческих писаний, содержащих лишь чистое описание или правдоподобные рассуждения, но не изложенными в доказательной манере».

[43] Там же, р. 319 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 303).

[44] Галилей находит основание этому в том, что Сам Господь даровал людям разум и чувства для познания окружающего мира: «...я не думаю, что обязан верить, будто Бог, наделивший нас чувствами, языком и разумом, определил нас отказаться от использования этих средств, и решил донести знания, которые мы способны приобрести с их помощью, каким-то иным способом с тем, чтобы мы отказались от доводов наших чувств и разума даже при изучении тех природных явлений, кои представлены нашим очам и разуму чувственным опытом или же необходимыми доказательствами» (Там же, р. 317; цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 302).

[45] Там же, р. 320 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 303).

[46] Там же, р. 317 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 302). В другом месте письма Галилей, анализируя некоторые высказывания блж. Августина, пишет так: «Из разных фрагментов мне становится ясным, если я не заблуждаюсь, намерение Отцов Церкви: в предположениях о природных явлениях, которые не затрагивают веры, следует прежде всего установить, доказаны ли они определенно и познаны чувственным опытом или только будет возможно обладать этим знанием и доказательством. С тех пор как мы возобладаем этими знаниями, нам следует применять их с целью исследования истинного смысла Священного Писания, особенно тех его мест, которые вызывают разночтения» (Там же, р. 332; цит. по: Фантоли, с. 151).

[47] И в другом месте: «Подлинный смысл священного текста согласуется с натурфилософскими выводами, в достоверности которых мы уверены благодаря ясным наблюдениям и необходимым доказательствам» (Там же, р. 320; цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 303).

[48] Там же, р. 315 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 300).

[49] Там же, р. 317 (цит. по: *Дмитриев. И.С.*, с. 301).

[50] В Письме к Кристине Лотарингской Галилей также использует образ чтения книги, когда говорит об исследовании небесных явлений, причем эта книга неба говорит нам о славе Божией (*Le Opere. Vol. V. P. 329*). Другим известным местом, где сравнивается Вселенная с книгой, является фрагмент работы Галилея «Пробирных дел мастер»: «Философия написана в той величественной Книге (я имею в виду Вселенную), которая всегда открыта нашему взору, но читать ее может лишь тот, кто сначала освоит язык и научится понимать знаки, которыми она начертана. Написана же она на языке математики, и знаки ее - треугольники, окружности и другие геометрические фигуры, без которых нельзя понять ни

единого из стоящих в ней слов и остается лишь блуждать в тёмном лабиринте» (*Галилей Г. Пробириных дел мастер / Пер. Ю.А. Данилова. – М.: Наука, 1987. – С. 41*). Однако он прямо не говорит о двух книгах: о книге Природы и о Библии. Современник же Галилея и его апологет Ф. Кампанелла в «Апологии Галилея» (1622) непосредственно сравнивает «живой манускрипт» природы и «писанный манускрипт» Библии. Возможно, одним из первых в христианской традиции эту идею выразил прп. Максим Исповедник (см. *Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. – 2-е, испр. изд. – К.: Дух і Літера, 2001. – С. 273*) с его учением о божественных логосах, пронизывающих все творение.

[51] *Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце...*, с. 375. Видимо, более ранний вариант использования этого образа находится в труде «О слоях земных»: «Ибо и натура есть некоторое Евангелие, благовествующее немолчно творческую силу, премудрость и величество. Не токмо небеса, но и недра земные поведуют славу Божию» (с. 617).

[52] Там же. В другом месте данной работы эту непротиворечивость Ломоносов описывает так: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет» (с.373).

[53] *Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце...*, с. 375. См. также: «Уложение и Кормчая книга ничего не служат учащемуся астрономии, равно как одно другому не препятствует. Посмеяния достойны таковые люди, кои сего требуют, подобно как некоторые католицие философы дерзают по физике изъяснять непонятные чудеса божии и самые страшные таинства христианские» (*Ломоносов М.В. О слоях земных, §166, с. 618-619*)

[54] *Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце...*, с. 375.

[55] *Ломоносов М.В. О слоях земных, §167, с. 619.*

[56] Конечно, эти принципы являются неким широким обобщением позиции Г. Галилея, изложенной в письме к Кристине Лотарингской, относительно толкования Св. Писания, причем в контексте сравнения с позицией М.В. Ломоносова. Каждый из этих принципов подразумевает под собой множество других идей и наблюдений итальянского ученого касательно Св. Писания и его взаимоотношения с данными естествознания. Особенно интересны его рассуждения о том, как действовали сами учителя Церкви (в первую очередь блж. Августин) при сопоставлении Св. Писания и научных представлений их времени. Однако рассмотрение этого выходит за рамки данного доклада и требует отдельного исследования.

[57] *Ломоносов М.В. О слоях земных, §165, с. 617.*

[58] Там же.

[59] Там же, с. 618.

[60] Там же: «там не будет никакого спору и сомнения о времени, не описанном и не определенном чрез течение светил небесных»

[61] Там же.

[62] Артур Пикок. Богословие в век науки. Модель бытия и становления в богословии и науке, пер. с англ., М., ББИ, 2004, с.254-256.

[Экзегетика и герменевтика](#), [Религия и наука](#), [Новый Завет](#), [Ветхий Завет](#), [Естествознание](#)

Ключевые слова:

[Библия](#), [Наука и религия](#)

См.также:

[«Пустота и веяние ветра»: термины הַלַּל וְהַלְלָה в современных русских переводах Книги Екклезиаста Моисей, Илия и завершение пророческих писаний](#)

[«Новая герменевтика» и перспективы православной библеистики](#)

[Рец. на:] [Классические библейские комментарии: Книга Бытия / Пер.: Л. А. Маших и др. М.: Олимп, 2010. XIX, 701 с.](#)

[Библейский перевод как диалог культур](#)

[Новая русская Библия: сравнение двух Заветов](#)

Портал [Богослов.Ru](http://bogoslov.ru)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: Портал Богослов.Ru.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

